

ЭТО БЫЛ концерт, которого она так ждала. Артистка не видела лиц зрителей там, за рампой. В переполненном зале, казалось ей, билось многотысячное сердце города. Она старалась петь задушевно. И, как всегда, ей представлялось, что в полутьме, среди публики обязательно сидит кто-то, самый умный, самый взыскательный. Она волновалась, но никто не должен был заметить этого. Ей нужно было, чтобы этот слушатель сказал: «Хорошо! Ты хорошо пела».

Так еще в молодости учил ее преподаватель: «Представь себе, что вон там, в третьем ряду, сидит самый требовательный человек, — и пой так, чтобы он был доволен». И она всю свою сценическую жизнь помнила об этом. Но сейчас... В зале билось само сердце города Новороссийска.

Ружена Сикора вспоминала свою сегодняшнюю прогулку по мокрой от дождя набережной. Ей чудилось, что здесь еще сохранились следы ее детских туфель, которые маленькая Ружена носила в шестом классе. Город ее детства стал совсем другим, новым, помолодевшим, красивым. Высоко над ним поднимались трубы цементных заводов.

Ружена Владимировна встретила совсем незнакомую учительницу музыкальной школы и обрадовалась ей, как старому другу. Учительница была очень юной. Она сказала, что старую музыкальную школу разрушили фашисты в начале войны. А сейчас школа в другом здании.

Артистке хотелось пойти и в эту школу, и на завод, и еще во много знакомых и незнакомых мест. Все-таки выбрала завод.

...В цехе пахло древесиной, и руки от перебирания бондарной клепки

Самому Взыскателю

делались жесткими. Девочкой Ружена работала на сортировке. В бочках отсюда увозили новороссийский цемент. Так было тогда. Ружена трудилась и тихонько напевала. У нее в семье все пели.

Работала она во время каникул, а зимой ходила в музыкальную школу, полную зазорной и неуверенной ребячьей музыки. Это было замечательное время. Тогда она еще плохо представляла себе, так ли уж важны и нужны артисты. Она просто любила слушать свой голос.

Она начала понимать это уже потом, когда занималась в Ростове в музучилище, а на каникулах гастролировала с маленьким оркестром. На каждой станции, в каждом населенном пункте их ждали машинисты, рабочие, красноармейцы. И если артисты запаздывали, лица ожидавших становились немножко грустными.

Однажды во время антракта на концерте в Тбилиси за кулисы прошли два человека средних лет. Один из них, как потом узнала Ружена, московский драматург Константин Бахтерев, сказал:

— Вы, девочка, богатый человек, — и неожиданно предложил: — Хотите учиться в Москве?

Она не совсем поняла гостя и не поверила ему. Но месяца через два ее вызвали в столицу, и начались замечательные дни учебы в музыкальном училище имени Гнесиных. Она стала почти дочерью в семье Бахтерева. Чуткие люди жили вокруг нее. Они очень хорошо знали, как нужны жизнерадостные, солнечные артисты с их искусством. И еще они знали, как много нужно работать, чтобы стать настоящим артистом.

...Там, в зале, сидит самый требовательный человек. Кто он? Ружена старалась представить себе его, где бы она ни выступала. Шли годы, Ружена Владимировна пела свои солнечные песни и романсы со сцен Москвы, Ленинграда, Киева,

многих городов и поселков. Эти песни назывались лирическими. Многие думают, что лирические — почти всегда грустные. Но грусть не уживалась рядом с певицей. Даже от самых печальных романсов из ее репертуара на душе становилось светло. Радостная улыбка всегда жила рядом с ней.

На сцене появлялись то девушка из колхоза, то смешной итальянский мальчишка, то зазорная студентка, то парижский зеленчик, то опять влюбленная девчонка, может быть, тоже с завода, где изготавливали цемент. Ружена Сикора не меняла костюма, не гримировалась — она только исполняла свои песни и переживала вместе с героями этих песен их радость и горе. Но зрители все-таки видели этих героев и аплодировали им. Одно движение лица, один жест — и выходили на сцену живые люди из народа. Ружена Владимировна так хорошо знала их.

Шли годы, у артистки составилась настоящая музей подарков: кусочков стали, шахтерских касок и фонариков. Они — со всех концов страны. На некоторых было написано «Дорогой Ружене Сикоре от проходчиков», или «...от доменщиков», или просто «...от благодарных слушателей».

Шли годы, а она все еще смотрела за рампу и каждый раз думала о нем — самом взыскательном. Иногда ей казалось, что она видит его лицо. Он сидел то в первом, то в десятом ряду, то на балконе. Вспыхивали люстры, человек поднимался — это был мужчина с заскорузлыми черными ладонями, которые он прятал за спину. Иногда у него были тонкие пальцы и лицо старого ученого, иногда — строгие глаза школьного учителя... И если артистка делала неверный шаг, то чувствовала, как тот человек хмурится.

Однажды концертная группа Ружены Сикоры должна была выступать

на руднике «Медвежий Ручей» возле Норильска. Автобус медленно поднимался на гору по дороге, утонувшей в снежных заносах. За окнами металась пурга.

Неожиданно машина глубоко увязла в снегу. Дальше нужно было идти пешком. Казалось, что до места не добраться и к утру. И тогда из метели навстречу артистам вышли незнакомые люди. У них были лопаты, у них были сильные руки и, главное, у них были радость и нетерпение на замерзших лицах. Они очень хотели, чтобы концерт состоялся.

И он все-таки состоялся. Зал был переполнен. Зрители сидели в проходах, у стен, возле рампы, между кулис. У них был сегодня праздник, они улыбались, шумно аплодировали. Музыка пришла к ним в гости. И Ружена Владимировна, как всегда, знала, что и здесь есть тот самый взыскательный человек. А когда зажгли свет, она увидела множество довольных глаз. И ей показалось, что у этого зрителя — много лиц. Это был целый зал.

С того концерта под Норильском прошло много времени. Теперь, при встрече с городом своего детства — Новороссийском, Ружена Владимировна уже не вспоминала пургу и тот зал. Но чувство было такое же. Она старалась петь как можно выразительней, как можно лучше, так, чтобы самый требовательный человек сказал: «Хорошо!».

Взыскательный зритель слушал ее. Это был народ того города, по которому она бегала в школу, где сортировала бондарную клепку, где училась петь, жить и мечтать, это был народ ее родной Кубани, народ ее родной страны. И она пела для него так, чтобы зал наполнялся солнцем и радостью.

Н. ЗЕЛЕНСКАЯ.

СОВЕТСКАЯ КУБАНЬ
г. Краснодар

9 ДЕК 1961